

Надежда Осьминина

The background of the top half of the image features a bright, golden sunset sky with a large sun partially obscured by clouds. In the foreground, the dark silhouettes of several Russian Orthodox churches are visible, including domes and a tall bell tower on the right side.

Андрей
Рублёв

*Светлой памяти мужа и друга —
Владимира Владимировича Осьминина,
известного кинорежиссёра-документалиста,
выдающегося человека современности...*

Андрей Рублёв. «Троица», 1422–1423 гг.

Надежда Осьминина

*Андрей
Рублёв*

ПОЭМА
СТИХОТВОРЕНИЯ

Москва
издательство
образ
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
О 79

О 79 Осьминина Н. В.

Андрей Рублёв. Поэма, стихотворения. — М.: Издательство «ОБРАЗ», 2013. — 80 с. (Серия «Поэзия XXI века»).

ISBN 978-5-906009-46-3

Впервые жизнеописание Андрея Рублёва представлено поэмой. Земное служение гениального русского иконописца и его путь к святости Надежда Осьминина предлагает осмыслить и сопережить в контексте исторических событий Древней Руси. Православную тему продолжают избранные стихотворения автора.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Возрастные ограничения: 12+.

ISBN 978-5-906009-46-3

© Надежда Осьминина, 2013
© ОБРАЗ: оформление, 2013

Андрей
Рублёв

Андрей Рублёв

Пролог

Вспомни, любимая Родина,
Как ты боролась с врагом —
Гром над рекою Смородиной
Битвы за землю и дом.
Сила Кашеева таяла,
Гибла несметная рать.
Строилось русское правило —
Родину не предавать.
Ныне другое величие —
Денег безумная власть.
В новом возникла обличии
Злого Кашея напасть.
Всё продаётся, и милости
Места в душе не найти.
Так неужель покорилась ты,
Родина, злату в горсти?
Может, другими щедротами
С миром поделишься вновь?
Вспомни добытые потами —
Веру, Надежду, Любовь...

Память моя своевольная
Входит в открытую дверь
Времени первопрестольного.
Родина, слушай, теперь!

Надежда Осьминина

1.

Монастыри, монастыри — Святая Русь!
Я в прошлое далёкое всмотрюсь.
Увижу иноков, молящихся за нас,
И хор веков услышу в ранний час,
Когда к заутрене идёт монахов строй —
Иная жизнь, и мир земной иной,
Где времени вращаются круги
И наши в них впечатаны шаги.

2.

Лестница круто спускается
Между широких камней.
Стены земли расступаются,
И перед Богом встречаются
Смыслы исчезнувших дней.

Вот она, цепь неразъёмная —
Звенья пудовых вериг —
Старца сжимают согбённого,
Духом Святым просветлённого,
Тихо лучина горит.

Молится он пред иконами,
Цепи его не гнетут,
Русь отдыхает крещёная,
Волоцким старцем спасённая, —
Вечен Иосифа труд.

Андрей Рублёв

В гибельный миг православие
Словом своим защитил.
Родина крылья расправила
И Преподобного славил —
Мирно игумен почил.

3.

Вся монастырская братия
Свято вериги хранит,
И в подземельном объятии
Ярко лампада горит.

В книжнице — летопись строгая:
Было в таком-то году
Куплено, сменяно, роздано —
В пахоту, мор и страду.

Двадцать рублей — состояние.
Можно деревню купить.
Платит Иосиф за знание,
Право игумну решить —
В чём оно? В букве иль в образе —
Жизни духовная суть,
Или в молитвенном возгласе —
Сердцу открывшийся путь.

Двадцать рублей — Одигитрия.
Больше полвека назад
В солнечно-синей палитре
Живописал её брат.

Надежда Осьминина

Тоже монах из обители,
Что под Москвою стоит.
Девять икон поразительных
Волоцкий старец хранит.

Пишет о жизни художника
В крохотной келье своей,
Сын ли Рублёва, сапожника,
Иконописец Андрей?

Может, верховника братчины,
Резчика, иль кузнеца?
Имя крещения — утрачено.
Имя Андрей — чернеца.

4.

Четырнадцатый век. Ещё не знают храмы
Язык колоколов, зовущих к алтарю.
Родился человек в горниле вечной драмы
И било бьёт беду в кровавую зарю.

И туга, и печаль давно стоят над Русью.
Три сотни лет клеймо ордынского шатра
Душило страхом жизнь, морило горькой грустью
И голодом лихим. Как будто бы вчера

Захвачен был Тибет, Алтай, Китайский Север,
И двинулся на Русь стрелой Чингисхан —
Москва, Владимир, Тверь — монгол беду посеял,
Все пали под ярлык. И стон стоял от ран.

Андрей Рублёв

Погибелью земли те названы столетья.
Пожары, грабежи, вражда между князей.
Рубцы кровоточат от чужеземной плети —
Народ стал забывать, что вышел из людей.

Стал забывать о том, что стольный град Владимир
Столицей назван был всех княжеских сторон.
Сиял Залесский Кремль на солнечной вершине,
И в храмах чудеса творились от икон.

«Незнаемый язык» разрушил долголетье
Земли, где восклицал единства русский дух.
«Незнаемый язык» оплёл паучьей сетью
Сердца, глаза и речь, и стало как в аду.

Родившихся детей пугали жутким страхом
И ужасом отцов пред иноземным злом,
В котором запеклась кровавая рубаха
Детей и стариков, зарубленных мечом.

И вот родился он, в мощёной паром бане,
«Младенчески кричал, пружаяся зело».
И этот давний год шестидесятым станет —
Опять вражда князей. И казни, и полон.

Весной прошла огнём заря по чёрну небу,
А в декабре луна затмилась не к добру.
И не было тепла, и не хватало хлеба,
Мамай поднял мятеж и повернул орду.

Надежда Осьминина

Народ устал терпеть, надеяться и верить,
Что мир придёт, и Русь поднимется с колен,
А вскоре вновь беда открылась в полной мере —
Чума пришла в Москву, и были трупы, тлен.

Как выжил он во мгле? Кровопролитны распри
И беспощаден мор. А тут ещё дотла
Москва сгорела вся. Мамай ушёл за Каспий.
И двинулась на Русь могучая Литва.

А отроку тогда — всего неполных восемь,
И он осознаёт всю тленность бытия.
Смерть жизни не щадит и косит, косит, косит:
«Но, Господи, есть ты! И есть, скорбящий, я!

Хочу покинуть мир, жестокий и кровавый,
У сердца меры нет, чтобы его вместить.
Моя душа к тебе летит, о, Боже правый!
И плачет обо всех, и учится любить...».

Кто знает, сколько лет прошло от той молитвы,
Когда Рублёв Андрей припал к монастырю.
И силы ему дал для сокровенной битвы
Архангел Михаил, призвавший к алтарю.

Андрей Рублёв

5.

Средь преданий, написанных в древних «Прологах»
Есть рассказ, как творил чудеса Михаил,
Воевода небесный, воинственно-строгий,
Он тогда стольный град от врага защитил.

Заложили в Москве церковь белого камня,
И подолгу молился в ней юный Андрей.
«Чудо в Хонех» являлось. Небесный наставник
Сокрушал в людях зло, они стали добрей.

Монастырь этот Чудов построил Алексей,
Первый в древней Руси русский митрополит.
Расцветала Москва. Шёл народ из предместий.
Словно солнце Архангельский купол горит!

6.

Над книгами старинными склонясь,
Андрей переворачивал страницы —
В кириллицы задумчивую вязь
Душа входила и взлетала птицей.

Из Сирии пришёл рассказ о том,
Как первая икона появилась.
Жил князь Авгарь. В Месопотамский дом
Пришла болезнь, и жизнь ожесточилась.

Надежда Осьминина

Он слышал, что великий иудей,
Которого Мессией величают,
Спас от болезней множество людей,
Но на родной земле его стесняют.

Грозят убить Иисуса, гонят прочь
За то, что Сыном Божиим назвался.
И вот решил Авгарь ему помочь —
Зовёт письмом, чтоб прибыл и остался

В Едессе, главном городе его,
Где люди добрые почтенны к нему будут.
Везёт гонец в Иерусалим письмо,
И князь Авгарь надеется на чудо.

Надеется, придёт к нему Христос,
А если нет, слуге он дал задание —
Нарисовать Иисуса в полный рост,
Иль только лик, чтоб было узнаванье.

Иисус, увидев в храме у колонн
Слугу месопотамского, глаголил:
«Анания, приблизься с полотном
И передай владыке мою волю...»

Умыв лицо прозрачною водой,
Он вытерся преподнесённым платом.
Гонец помчался вместе с ним домой,
Вбежал к Авгарю в княжии палаты.

Андрей Рублёв

И тот, увидев образ, зарыдал
От чуда, что здоровье вернулось.
С тех пор о Первообразе узнал
Христианский мир, и время распахнулось.

7.

Среди многих деревьев — лучистая,
Липа ласковая, золотистая,
Сколько вытесано досок!
Вот ещё одна и другая,
Шпонки шов скрепляют, скругляя,
Чтобы в щель не проник волосок.

С лицевой стороны — углубление.
Здесь не может обмана быть зрению —
Строго выдолблен мерный ковчег.
Осетровым клеем помазан —
Тонкий холст держать он обязан
До скончания нынешних век.

А потом меловая каша
В полотно проникает — ложится
Чисто вымешанный левкас.
И наносится снова и снова
Белоснежная эта основа,
Пока солнечный день не погас.

Ещё осенью собирали
Хвощ в полях и охапки вязали,

Надежда Осьминина

И теперь он к делу готов.
Им левкасный слой натирают,
И шлифуют, и преображают —
Словно мрамор сияет покров!

8.

Рублёву двадцать лет. Он в Серпухове пишет
С дружиной мастеров большой иконостас.
Монахи говорят: «Идёт спасенье свыше...»
И в даль веков глядит Нерукотворный Спас.

Монахи говорят, что Радонежский Сергей
Благословил на сечь Дмитрия вчера.
Великий князь сказал: «Ордынскому отребью
Из русской стороны исторгнуться пора...»

И видит инок рать с холма Серпуховского,
Архангел Михаил спускается с небес.
И конников ведёт, и пеших под покровом,
И, кажется, из недр земных поднялся лес.

Неисчислима дань, оплаченная кровью, —
Ослябя, Пересвет и славный русский люд —
Спасители Руси. С надеждой и любовью
Потомки их не раз в подмогу призовут.

В историю вошли и Поле Куликово,
И Дмитрия почёт, прозванного Донским,
И летопись времён — всегда живое слово,
И звон колоколов по павшим и живым.

Андрей Рублёв

И встала тишина над мирною Москвою,
Сквозь опалённый век с надеждою пройдя.
И только иногда с печалью и тоскою
Заплачет тихо мать, прижав к груди дитя.

9.

Пахнет дровами и хлебом ржаным.
Тёмного неба дымок
Тянется к Яузе. Вот уже зрим,
Настежь открыт Восток.

И притекают солнца лучи
В новый бревенчатый храм,
Спасо-Андрониковы грачи
Расселись по деревьям.

Инок Андрей начинает свой труд —
Кисти лёгкий мазок
Плотно ложится в солнечный круг.
Это был важный урок.

Грек Феофан его так научил
Лики живописать.
Сам он недавно в бозе почил,
Где погребён — не узнать.

Но уже скоро художника кисть
Русский освоит полёт.
Царства Небесного близкая высь
В душу иконы войдёт.

Надежда Осьминина

10.

О любовь! Сквозь ночи ледяные
Тёплый свет из вечности пролился,
И лучи сияют золотые —
Спас Нерукотворный проявился.

От прозрачной плоти ярких красок,
Приглушённых камедью вишнёвой,
Веет утешением и лаской,
Веет обличением суровым.

Вот и всё. Мазок последней мерой
Завершил художника работу.
Смотрит он с надеждою и верой
На свободу дальнего полёта

Собственной души, забывшей тело, —
С образом она отождествилась,
И земное живописи дело
В красоте божественной открылось.

11.

*«Не имамы иные помощи,
не имамы иные надежды —
только тебе, о Богоматерь!»*

Слетало с губ молитвенное пенье
И разливалось широтой реки,
Все ждали от Пречистой заступленья —
Опять на Русь нагрянули враги.

Андрей Рублёв

Вот так и шли они — народ с иконой
Владимирской, по тракту на Москву,
И Тамерлан — с могучим легионом,
Вперёд отправив грозную молву:

«Завоеватель Азии намерен
Железными мечами и огнём
Христову истребить живую веру».
И тьма, и злоба лютые при нём.

Хлебами август жаркий наливался,
И страх стоял над русскою землёй.
Монах Андрей слезами расточался.
Он шёл к иконе — к матери живой.

Уже Елец захвачен и пылает,
И беженцы со всех сторон идут
К Москве, где Богородицу встречают,
И молятся, и плачут, и поют.

И вот она, спасительная встреча —
Заступница Небесная близка.
Вдруг отступила гибельная сеча —
Хромец железный в степь вернул войска.

На месте встречи москвичей с иконой
Потом воздвигнут будет монастырь.
И сто веков здесь станут класть поклоны
И неусыпную читать Псалтирь.

Надежда Осьминина

Монах Андрей, андрониковский инок,
В тот страшный девяносто пятый год
С толпой молился в очереди длинной
За родину, за князя, за народ.

А позже по наказу Киприана
С Владимирской он список написал.
Пречистой образ стал душой храма
Успенского, в котором воссиял.

12.

Иконописца труд. Десятки, сотни, тыщи
Святых икон, написанных затем,
Чтобы душа народная, что ищет
Свой крестный путь, не сделала бы крен,

Не сорвалась в убийственную пропасть,
Где ненависть питается собой,
Чтобы Любовь с души отёрла копоть
И стала всем единственным судьёй.

Где силы взять для пламенной работы,
Для осязанья горней высоты,
В которой зримы царские ворота
И ангелы небесной красоты?

Где силы взять для посещения ада,
Кромешного, как каменный чулан,
Куда не проникают звездопады,
Где ложь и лесть, неправда и обман?

Андрей Рублёв

А ведь иначе не создать живое
Пространство, обнимающее быт,
Сияющее мудрой чистотою,
В которую путь каждому открыт.

Где силы взять? В монашескую келью
Вошёл учитель строгий Даниил.
Назвался Чёрным — древнее поверье —
Он чёрным лишь в своих одеждах был.

Он научил Иисусовой молитве
Андрея, объяснив, что исихаст —
Монах особый, тот, который в битве
С самим собой и ночь, и день, и час,

Призвав Христа, ничтожит искушенья.
...Афонские великие отцы
Молчанием достигли просветленья,
Стяжав особой святости венцы.

13.

В драгоценном уборе золочёных окладов
Оживают иконы Рублёва письма.
Рождество, Благовещенье, Сретенье — рядом
Свет Фаворский сияет, как вечность сама.

От молитвы сердечной и слёз покаянных
До блаженства небесного короток путь,
Только ты, человек, произнёсший: «Осанна!» —
Про страданья Христа на земле не забудь.

Надежда Осьминина

Тишина и покой пусть войдут в твою душу,
Матерь Божия пусть умножает любовь,
Только ты, человек, Слово Господа слушай
И смотри, как стекает с распятия кровь.

Прозревай милосердие внутренним взором,
Целомудрия прежде желаний проси
И старайся других не обидеть укором,
Ну, а если обидел, скажи им: «Прости!»...

Благовещенский храм восхищал красотой,
Духовенство, народ и великих князей
В торжестве он стоял над высокой Москвою
Среди хмурых и радостно солнечных дней.

14.

Сопостник Даниил, учитель славный,
Иконописец и духовный брат
В Андреевой дружине православной
Расписывать начнёт Владимир-град.

Духовная столица ждёт прихода
Митрополита нового. Престол
Ему готовят всем честным народом —
Собор и кафедру, чтобы дышал простор...

О чудный город! Властью Мономаха
Пиры объединивший. Смолкла грусть.
Такого небывалого размаха
Залесская не видывала Русь!

Андрей Рублёв

А позже Боголюбского Андрея
Стараниями город возрастал.
«Велик зело» — он стал ещё прочнее,
Покрылся храмами крутой высокий вал.

Андрей и Даниил увидят скоро
И Спасский храм, и церковь на Нерли,
И купола Успенского собора
Над Клязьмою возникшие вдали.

Столицы сердце. По её примеру
В Москве построен был Успенских храм,
Чтоб сохранить отцов живую веру,
Навек забыть орды разгул и срам.

...А здесь напоминает всё о мраке —
Монгольского нашествия кошмар.
Сто семьдесят годов с кровавой драки
Уже прошло. В соборе был пожар.

В его огне погибли горожане,
Искавшие спасенья от беды.
Горело всё — и детский крик, и ржанье
Коней, и даже плоть святой воды.

Но выстоял собор. Теперь дружине
Андреевой здесь надо обновлять
Все стены и искать наметки линий,
В которых сохранилась благодать.

Надежда Осьминина

15.

Рублёву сорок три. Теперь он может много.
Пусть слева — Страшный суд,
а справа — Вечный рай
Восстанут из времён вчерашних эпилогом.
Прологом станет путь — начало, свет и край.

Когда же за него зайдет душа смиренно,
Когда не будет кровь пустое тело греть,
Тогда поймёт душа, что Истина нетленна —
В мирских пожарах дней ей не дано сгореть.

Вечерняя заря спускается с обрыва,
Темнеет древний лес над Клязьмою-рекой.
И ветер утомлён усердием порыва,
И праведный Андрей в трудах нашёл покой.

16.

Готовы краски и грунты.
Светает в храме.
В мостках затянуты винты,
И под хорами

Андрей обводит взглядом свод:
Прочна ль обмазка —
Гашёной извести развод
На клее вязком?

Андрей Рублёв

Теперь он может начинать
Разметку фресок.
Рука не станет отдыхать
Пока отрезок
Воображаемых умом
Согласных линий
Не будет пройден остриём
По белой глине,

Которой стал подобен клей,
Левкас особый.
Пока он мягок, поскорей —
Закончить своды.

Потом уж циркулей черёд —
Кругов проходка.
Сиянье скоро в них войдёт.
Как будто соткан

Из солнца утренних лучей
Нимб светозарный.
Живописует свет Андрей —
Сам лучезарный!

17.

Закончена работа. Ждёт Москва,
Андрониковский монастырь и келья,
И богодухновенные слова
Святых отцов, которые хотели

Надежда Осьминина

Свой опыт людям в книгах передать
И объяснить, что грех наш — от Адама.
И жизнь дана, чтобы его понять,
В душе освободив дорогу к храму.

Так просто всё — трудись, молись, люби!
Но почему же люди всё враждуют,
И не боятся душу погубить
Бессмертную, свою или чужую?

И долго плакал в сумерках Андрей,
Когда услышал страшное известье...
Одним лишь днём сгустилась тьма ночей —
Не из-за ненависти и не из-за мести

Случилась злоба страшная вчера —
Нижегородцы в стоворе с ордою
Владимир истязали до утра —
Жгли, убивали за святой стеною.

Борисович Данила, русский князь,
Велел отряду сечь собор Успенский.
И братья христиане, одичав,
Исполнили приказ жестокомерзкий.

Ключарь собора, старец Патрикей,
Увёл народ чрез потайные ходы.
Туда же ценности отнёс скорей
И возвратился под святые своды.

Андрей Рублёв

Один стоял он, Господу молясь,
Смотря на Страшный суд
 рублёвских фресок.
Борисовича шайка ворвалась
Под предводительством
 бесчинствующих бесов.

И мало им окладов от икон —
Все образа калечили, рубили,
Пытали Патрикеев, куда он
Людей попрятал. А потом убили —

Истерзанного, выволокли прочь,
К коню за хвост живого привязали
И отпустили в скачущую ночь.
Стонал Владимир в скорби и печали.

18.

У Бога живы все. Андрей об этом знает.
Но горьких слёз река бездонной глубиной
Затягивает дух, и он изнемогает,
И кажется, что мир весь поглощён бедой.

Но он монах, и вновь сердечная молитва
Спасает его дух от боли и тоски.
Андрею пятьдесят. Он выиграл ту битву —
Любовью заключив уныние в тиски.

Надежда Осьминина

19.

Ни серебра, ни злата душа не ищет.
Ей нужен свет — имя Христово.
Нет слаще этой духовной пищи —
Спроси и послушай монаха любого.

От Палестины до Белого моря,
От Северной Африки до Аляски
Имя Иисуса в молитвенном хоре
Теплее и крепче родительской ласки.

Только ль монахи чувствуют это?
А человек, что в миру обыден
И пребывает мыслями где-то,
Может ли чувствовать свет, что невидим?

Ставит Андрей пред собою задачу —
Образ Христа написать без линий.
Краски пускай ликуют и плачут,
И сотворяют Божее имя!

Не было раньше такого зренья,
Чтобы лицом к лицу повстречались
Вечный Господь и его творение,
Как это было в самом Начале.

В левой руке у Иисуса книга,
В правой — Святое благословение.
Будет достаточно только мига,
Чтоб к человеку пришло обретение

Андрей Рублёв

Силы, покоя, любви, осознания
Бренности мира и веры сердечной
В то, что он мал и велик от создания,
Но от крещения в Троице — вечный!

Знает Андрей — сотворяется образ
Русского, жертвенного Спасителя.
И, как струна, натянут и собран
С кистью в руке — жезл победителя!

Он победил в себе муки и страсти,
Он превзошёл себя — горе лукавому!
Кто он отныне — гений иль мастер,
Иконописец с прижизненной славой.

20.

Древний Звенигород. В светлой обители
Иконостас от Андрея Рублёва.
Кисти ваятеля или воителя —
Всё это скрыто под Божьим покровом.

Непостижимо. В разгар революции
Тайной комиссией наркомпроса
В старом бараке среди рухляди куцей
Вдруг разрешается бремя вопросов.

Странновеликое обретение —
Павел Апостол, Спас и Архангел...
Смотрят из прошлого светлые тени —
Чёрные доски небесного ранга.

Надежда Осьминина

Всё это будет не скоро, а ныне
Старец Андрей, вдохновлённый трудами,
Вновь призывает Божие имя —
Замысел новый. В Троицком храме.

21.

В Радонежских славных пределах
Над рекой обрывом стояла
Маковец-гора, правдой-верой,
Божьим словом Русь защищала.

Как построил Церковь здесь Сергий,
Став отцом монахам и люду,
Вдруг междуусобье отверглось —
Совершилось жданное чудо.

Страждущим давал исцеленье,
Воскрешал молитвой из мёртвых.
Снизшло на Русь просветленье
Душ от маловерия чёрствых.

А когда пришёл голод в утробы,
Мор, какого предки не знали,
Извлекли из земли тело с гробом —
Мощи Сергия величали.

Принесли Преподобному славу,
Посвятили Святому обитель,
Что теперь называется Лаврой.
Отче Сергий, веры хранитель!

Андрей Рублёв

Велико его заступление
И предстательство перед Богом!
Сергий Радонежский моления
Принимает в небесных чертогах.

Ученик его Никон, наместник,
Храм возвёл над святыми мощами.
Православной Троицы вестник
На горе засиял пред очами!

Белокаменная отрада,
С поясною резьбою широкой
Живописного просит наряда
От Андрея.

Москва — недалёко.

22.

Небеса чисты и прохладны.
Дождик оросил черепицу.
В мастерской всё ладно и складно,
И в окне заря золотится.

Делом занялись живописцы.
Старец Даниил нынче строгий,
Надо бы теперь торопиться —
Брат Андрей стоит на пороге.

Надежда Осьминина

Может, слово только и скажет,
Где убавить что, где прибавить,
А потом мазок его ляжет
И начнёт всем замыслом править.

Редкий гость он в доброй дружине,
Занят вдохновенно трудами —
Прославляет Троицы имя
Всем своим нутром и дарами.

23.

Палаты. Дерево. Гора. И Трое
Ветхозаветных Ангелов. Один —
Вселенной правит справедливым строем.
Второй содержит Истину. А с ним —

По праву руку — Тот, кто жизнь дарует —
Утешитель сердец, Небесный Царь.
Крылами сплочены и торжествуют,
В единстве окружающие ларь,

В котором тайны все и откровенья
Слились, заполнив вечности сосуд.
И жертва в нём. И вечное рожденье.
И свет Любви. И неизбежный Суд.

Андрей Рублёв

24.

Хлеб, вода и зелень с огорода —
Вот и всё, что требуется телу.
Человека новая природа
Облеклась в Божественное дело.

Сделано оно. Пора итоги
Подводить и собираться в дальний
Путь, где ждут небесные чертоги —
Золотые распахнулись ставни.

Видит старец солнце новой яви.
Память от прискорбья очистив,
Очень скоро он наш мир оставит —
Даниила, братию и кисти.

Будет он потомками прославлен
В лике Преподобного Святого,
И хотя Пророкам он не равный,
Всё ж Пророк он утра светового!

Светового дня и светлой ночи,
Красоты необоримой силы...
Просвети меня, Андрее, отче!
Пресвятая Троица, помилуй!

Надежда Осьминина

Эпиграф

На крутом холме, как прежде, высится
Монастырь игумена Андроника.
Слава Богу, не слышны здесь выстрелы.
Тир закрыт, куда водили школьников.

Атеизма время исступлённое
Кажется всего лишь наваждением,
И душа коленопреклонённая
Веры жаждет вновь и просветления.

У собора Спасского покоится
Память-крест. Россия возрождается.
На неё с небес взирает Троица.
Только бы успели мы покаяться.

Уравнение солнца

Уравнение солнца

Ожидание Пасхи

В апреле так много даётся
Надежды, смирения, веры.
В апреле всегда остаётся
Осадок расплавленной серы.

И жизнь в приближении Пасхи
Становится разуму близкой.
Предчувствие скорой развязки —
Сугробов горбатые списки,

В которых написано нечто —
Из области неба и выше,
Где самая дальняя вечность
Всё знает, всё видит и слышит.

В апреле душа наготове
Конца посторонней печали.
Вдруг Пасха является в Слове,
Которое было в начале.

Надежда Осьминина

Дивеево

Зима. Дивеево. Ковчег,
Приплывший на Святую землю,
Где Серафим из века в век
Молитве верующих внемлет.

С сумой и посохом ходил
По миру старец Преподобный,
С руки медведицу кормил.
Теперь взирает из загробной

Надмирной жизни — так близка
Она на Литургии ранней!
Здесь Богородица легка
У Царских врат победно встанет

И поведёт за шагом шаг
По Серафимовой канавке,
Где разделились свет и мрак
Законом Божьим, без поправки.

Сияют храмов купола,
Мороз Крещенский губы студит.
Тебе, о Господи, хвала
За то, что были мы и будем.

Уравнение солнца

Что вместе мы когда-нибудь
Осуществимся в мире новом,
Пройдя земной тернистый путь,
Восстанем в теле невесомом...

Мы вспоминаем всех родных
По духу, вере и надежде.
Зима. Дивеево. Родник.
Душ белоснежные одежды.

Иное время на часах —
Блаженны, милостивы, кротки,
Мы плачем о своих грехах —
А зимний день такой короткий!

Надежда Осьминина

Снова день проживаю сегодняшний,
Как последний, мне Богом данный.
И души своей корки и пролежни
Осязаю — не строю планы.

Мне бы выскоблить, мне бы вычистить
Все глубины её и броды.
Лишь тогда смогу душу выпустить —
На свободу.

Уравнение солнца

Сирень

Я к вечности однажды прикоснусь,
Почувствую её пространство-бремя,
И попрошу — не дай, Господь, мне время,
В котором на Тебя не оглянусь.
А дай мне сил прожить хотя бы день —
Дышать, молчать, любить и удивляться,
Что зацвела опять в саду сирень.
О, как бы мне хотелось здесь остаться.
Но вечность жадно копит каждый миг,
И бездны расширяются границы.
Из ничего однажды мир возник —
Расцвел цветок и вылетела птица.
Потом ходили к водопою львы,
И овны умудрялись их повадкой,
Зима стелила снежные ковры,
Весна рождала тайны и загадки.
И это тоже был всего лишь день —
Шестой, а может быть, двадцатый.
И в этот день цвела в саду сирень,
И время уже двигалось куда-то.
Пока ещё понять мне не дано,
Зачем все эти звенья и явленья.
Но точно знаю, что давным-давно
Уже дышала этой вот сиренью.

Надежда Осьминина

Испанский триптих

1. Иаков Заведеев

Орёл вдруг замер над ущельем,
И тень его, гряды коснувшись,
Качнулась вместе с колыбелью
Веков до времени уснувших.

А у подножья Пиренеев,
Где перевал открыл долину,
Идет Иаков Заведеев
Дорогой утренней и длинной.

Брат Иоанна Богослова
Несет Апостольскую веру —
Завета Нового основы,
Вещей познание и меру.

Весь Пиренейский полуостров
Измерил он смиренным шагом,
Священномученик Апостол
Теперь покоится в Сантьяго.

Потомки древних иберийцев,
Звезду встречая на Востоке,
Откроют новую столицу,
Когда окончатся все сроки.

Уравнение солнца

Ну а пока в сюжет Библейский
Допущена причина мрака,
Ждёт полуостров Пиренейский,
Когда придёт Святой Иаков.

Вот он, в который раз селенья
Крестом спасенья осеняет
И приближает Воскресенье,
И злобу дня уничтожает.

2. Евлалия Барселонская

Весь отдан урожаю виноград.
Лежат в рядах обрезанные лозы,
И гроздья налитые так горят!
Все собраны — нагружены обозы.

И скоро-скоро юное вино
Наполнит кубки, бочки и подвалы,
Холодный ветер запахнёт окно,
И первый снег накроет покрывалом

Вот эту площадь, где народ стоял
Ещё вчера, рыдая над расправой —
Святую деву стражник бичевал,
Свершался суд жестокий и неправый.

Надежда Осьминина

Посол из Рима, некий Дакиан,
Перед идолом потребовал молений.
И вдруг осуществился божий план —
Евлалия не встала на колени.

И, обличив языческих богов,
Единственное имя призывала.
И сам Христос свой опустил покров
На Барселону, где она страдала.

На деревьях, поставленных крестом,
Терзал палач девическое тело,
А в небесах уже открылся дом,
Куда душа невинная летела.

Народ увидел белых крыльев взмах —
Из уст Святой вспорхнула голубица.
«О Господи, Христе, к тебе воззвах...»
Запела площадь, выйдя из темницы

Печалей вековых и немоты.
Предав земле Евлалию Святую,
Народ вино небесной чистоты
Пил за неё и славил — как живую.

Уравнение солнца

3. Осия Кордобский

В сентябрьский день
в церквях России —
Воспоминанье об Осии...
Святой епископ из Кордобы,
Он потрудился много, чтобы
Созвать Собор Отцов Вселенский.
И этот замысел священский
Одобрил Константин Великий.
И вот в огромной базилике
Митрополиты и экзархи,
Епископы и патриархи
В Никейском граде собрались
И в слове праведном сошлись.
Его итог — наш Символ Веры.
Присягу Господу на верность
Поют в России семь веков.
И вспоминают тех отцов,
Что в триста двадцать пятом годе
При христианском всём народе
Воспели Троице хвалу,
Сомнений уничтожив мглу.

И вспоминается в России,
Что жил в Испании Осия —
Святитель, веры исповедник.
Христа Распятого наследник.

Надежда Осьминина

Игнатий Богоносец

Траян возвращался с победной войны.
Он шёл через Сирию, дальше — на Запад,
И воины его, от победы пьяны,
Вдыхали трофеев волнующий запах.

Им вспоминалось, как Сирии царь
Пред Римом склонил свою гордую выю.
С тех пор здесь узнала каждая тварь —
Провинция Кесаря — Антиохия.

Недавно апостолы Павел и Пётр
Поставили в ней Христианскую Церковь,
Епископ Игнатий, смиренен и твёрд,
Её окормляет — светильник не меркнет.

Траян вызывает его на допрос:
«Как славишь ты бога имперского Дия?»
И он отвечает: «Господь мой — Христос,
За наши грехи пострадавший Мессия!»

Траян предлагает: «Ты мудр и умён,
Хочу тебя видеть главою Синклита...»
Игнатий ответил: «Не нужен мне трон,
И бог твой разворотом и гибелью сытый!»

Уравнение солнца

Тогда приговор император изрёк:
«Да будешь ты съеден зверями позорно,
И слово твоё превратится в песок!»
В ответ улыбнулся Игнатий покорно.

Он помнил Иисуса, который держал
Его на руках, ещё только младенца,
Он в Божьих очах свою участь узнал
И принял Христа в своё детское сердце.

Народ в Колизее ликует, ревёт.
Вся римская знать в ожидании казни
Хочет и сладкую жвачку жуёт —
Сегодня обещан особенный праздник.

Кружат по арене свирепые львы,
Епископ Святой на обед им пригоден...
Выходит Игнатий из тела, из мглы:
«Прими мою, Господи, душу...
Свободен!»

...Сегодня туристы спешат в Колизей.
Здесь вечности настужь распахнута дверца.
Стоит, разрушаясь под небом, музей.
А в небе сияет Игнатия сердце.

Надежда Осьминина

Пятнадцатый Патриарх

Нет, не осень — зима патриарха.
Перedelкино. Полночь вселенская.
Над уснувшим навек иерархом
Божья Мать воссияла Влахернская.

Колокольным наполнился гулом
Холм высокий и неба окрестности.
Многолюдным стоит караулом
Лес в печальной своей бессловесности.

К резиденции тянется паства,
Повинуясь любви и призыванию
Проповедника слушать и пастыря.
И как гром среди неба — прощание!

Содрогнулся осиротевший
Мир, оставленный на мгновение —
Вот уходит к Богу Святейший,
Вот приходит, пришло озарение.

Алексия не стало Второго.
Был пятнадцатым избран в служение,
Чтоб Россию хранить под Покровом
И вести её к Преображению.

Уравнение солнца

В колодец кричать не стану,
Ведром отодвину воду,
Луну из глубин достану
И выпущу на свободу.

Лети в полночные выси,
Сияющее светило,
Тебя между песен и чисел
Я в сердце своё поместила.

Надежда Осьминина

Мамин день

1.

Сегодня маму хоронила.
Июньский день темнел, темнел.
И вдруг Божественная сила
Земной раздвинула предел.

И с высоты своей небесной
Державы, где царит Господь,
Спустились за его невестой
Два ангела. Душа и плоть

В незримо праздничном единстве,
Разъединённые, слились.
И мама в новом благочинстве
Ушла в отверзшуюся высь.

Сияло солнце над погостом.
Горели свечи у креста.
Ушла легко, светло и просто
Не в гроб, а — в жизнь. Чиста-чиста.

2.

Солнце меняет своё уравнение —
близко садится.
Ветер меняет своё направление —
в окна стучится.

Уравнение солнца

Сердце ответит законам природы —
тихо сожмётся.
Вот и промчались мамины годы —
не улыбнётся,
не укорит меня словом и жестом,
взглядом и мыслью.
Но покорит меня утренним светом,
солнечной высью.
Радость моя, моя тихая боль —
удивленье.
Вечная память и сладкая соль
откровенья.
Помню, с мороза
в тазу ты бельё приносила.
Гладила долго,
а я всё просила, просила
сказку читать
или просто держать мою руку.
Мне без тебя засыпать —
страшная мука.
Солнце сменило своё уравнение —
тени распались.
Ветер сменил своё направление —
мы не прощались.
Разъединила нас смерть —
соединила она же.
Чистого неба бельё
я теперь глажу.

Надежда Осьминина

Бронницы

Бронницы, Бронницы, пасмурный лес.
В небе застыла птица парящая.
Счастье уходит наперевес
В прошлое — с грузом из настоящего.

Эхом из детства отозвалось —
С мамой в лесу заигралась я в прятки.
Это её позабытая трость
Старым сучком наступает на пятки.

Ёкнула, сжалось, кольнуло в груди —
Мама зовёт меня, мама проснулась.
Всё хорошо, всё у нас впереди,
Я не устала, я просто споткнулась.

Дикой малины ягоды рву —
Очень нужны нам сейчас витамины.
Я обещаю, что не умру
Минимум лет ещё сто с половиной.

Сосны рядами идут на восток
Мимо берёз, повернувших на запад.
Раньше б я в этом увидела рок,
Ну а сейчас слышу времени запах.

Уравнение солнца

Преодолев во мне детство и смерть,
День не оставил ни дна, ни покрышки, —
Только в зелёные очи смотреть
Хмелем тягучим наполненных шишек.

Бронницы, Бронницы, солнце и лес.
В просеке света, росой скользящее,
Счастье приходит наперевес
С грузом из прошлого — в настоящее.

Надежда Осьминина

Хлещет дождь.
Держу я над тобой
Зонт, а ты сосну сажаешь,
Мокрый весь, старательно копаешь,
Корни расправляя под землёй.

Хлещет дождь.
Ты держишь надо мной
Зонт, а я сосну сажаю.
Я её ласкаю, обнимаю,
Мы сосну сажаем, Боже мой!

Чтобы было плакать и молиться
Легче рядом с зеленью живой,
Чтобы к веткам прилетали птицы
В летний зной...

Занеся лопату над могилой,
Вор пришёл, кладбищенский Кашей,
Выкопал сосну, продал и сгинул.
Смерть страшна,
А жизнь ещё страшней.

Уравнение солнца

Мороз едва-едва земли коснулся бурой,
Не выпал снег пока, и холод нестерпим.
Зажгли костёр в ночи, и странные фигуры
Взметнулись в небеса — давай поговорим

О нашем, о земном, простом и скоротечном —
Почём сегодня хлеб, каков прогноз зимы,
Что президент сказал в традиционной речи —
Нужны ему иль нет российские умы?

Нет, ты не отвечай — молчи, молчи, любимый.
Природа не велит о суетном болтать.
Сквозь всполохи огня она проходит мимо
И просит на себя смотреть и восклицать.

И потому молчим, в костёр бросаем хворост.
Искрится звёздно ночь, морозит за спиной.
Накормленный огонь расстёгивает ворот —
Весь отдан небу жар. И снег пошёл стеной.

Надежда Осьминина

Январская равнина бытия.
Немного снега, скорости немного —
И вот уже домчалась до порога
Упряжка счастья: дети, ты и я.

Безбрежная равнина бытия
Лежит, переливаясь снегом чистым.
Лучисто извергаясь из себя,
День уплывает в небо серебристый.

Не угадать, откуда этот миг.
Лишь только вечным зовом наслаждаться,
Который, вдруг услышанный, воздвиг
Из снега горку, где нам всем кататься.

Уравнение солнца

Утро

Заморочилась, застудилась,
Запорошилась, зазнобилась,

То ли жизнь моя быстротечная,
То ль погодушка бессердечная.

Утро раннее растревожилось,
От земли до неба размножилась

Беспросветная вьюга мглистая,
Завывающая, голосистая.

Я смотрю туда, где не видно зги,
Где зима прядёт нить своей тоски.

Подойти к окну и дотронуться,
Между пальцев лёд хрустом полнится.

Отогрела лёд губ дыханием,
Растопила лёд целованием,

И открылась вдруг даль безбрежная —
Утро светлое, утро нежное.

Надежда Осьминина

У реки с названием — *Лета*,
На лугу с названием — *Память*
Я ищу тебя: «Где ты, где ты?»,
Утопая в тяжёлом тумане.
Я плечо твоё чувствую рядом
И боюсь вздохнуть, шелохнуться.
Вот растаял туман. Снегопады
В нашу осень последнюю бьются.
Перестань быть таким холодным,
Не отталкивай мою руку!
Уходи, куда будет угодно,
Но не в реку, слышишь, не в муку!
Пусть нальют тебе водки. Работой
Непосильной измучают тело.
Я пока оттолкну эту лодку,
Что причалила к берегу смело.
Уходи, мой любимый, отсюда.
Это гиблое место — не наше!
Будут зимы, и осени будут.
Этот луг завтра трактор распашет.
Мы посадим картошку, капусту,
А потом соберём урожая.
Ты держи меня за руку.

Пусто.

«Проводи меня!».

Провожая...

Уравнение солнца

Пасмурно в зябкой Москве,
Холод июль наводнил.
Влагой пропитанный сквер
Строем коричневых жил
Тянется к небу: а вдруг
Солнце заметит его.
Даже разохшийся сук
Хочет просохнуть давно.
Люди зонтами шуршат,
Думают: «Что же стряслось?»
Лето и вдруг листопад —
Времени сдвинулась ось.

Надежда Осьминина

Без тебя

Я ищу тебя — где ты, где ты?
День проходит и месяц, и лето,
Только боль не проходит и жжёт,
Обещая исход иль излёт.

Ты со мною всегда, постоянно
Говоришь о великом и странном,
А потом прижимаешь к земле,
Что хранит твоё тело в золе,

Как котёнка, в неё меня тычешь,
Повторяя: не здесь меня ищешь!
Я в тебе, я в стихах твоих буду,
А захочешь, я буду повсюду.

Только ты не страдай, не грусти,
Свою боль, как меня — отпусти.

Уравнение солнца

Твой день рождения пришёл
числом десятым.
И снова я накрыла стол
перед закатом.

Садится солнце в октябре
дождливом рано.
Оно за стол садится, где —
я, ты и мама.

И вместе мы пируем так,
что песни льются.
Вдруг солнечных лучей сквозняк
сдвигает блюдце.

И кажется, что это ты
кладёшь варенье.
А чай давно уже остыл
в твой день рожденья.

Крахмальной скатерти излом,
куда — дорога?
Как хорошо сидеть втроём
нам перед Богом!

Надежда Осьминина

В концерты мы не ходили,
В театрах нас не знавали.
Мы просто друг друга любили,
И в радости, и в печали.

На кухне уютной и узкой
Творили друг другу признание.
И лёгкий халат вместо блузки
Тянулся к пижаме, как к тайне.

И комната-библиотека
Не ведала — поздно иль рано?
Но только когда ты уехал,
Ушёл, растворился и канул,

Открылось значение мига,
В котором молчали оркестры.
Мы вписаны в вечности книгу —
Нас двое: жених и невеста.

И больше уже не прибавить.
Закончена долгая повесть.
Есть кухня уютная. Память.
И к Богу идущая совесть.

Уравнение солнца

Я сейчас собираюсь с силами,
Они крепнут во мне и множатся —
Матерь Божья, спаси и помилуй мя!
Дай мне знать, что в жизни всё сложится.

Под твоим покровом я сызнова
Начинаю себя обнаруживать
И ночами февральскими сизыми
Наблюдать, как стелется кружевом

Снег, внезапно откуда-то взявшийся, —
Накатила зима запоздалая,
Укротила мой разум взорвавшийся,
Приласкала сердце усталое.

Я сейчас собираюсь с силами,
Осторожно, как дитяtko малое —
Помню, ангела с белыми крыльями
В нём однажды узнала я.

Надежда Осьминина

Твой отец

Колобовский переулочек, колобок —
Исходили башмаки, и цок сапог
Слышен, слышен на Каретном и Цветном,
В коммуналке, где прощаемся с отцом.

А вчера была и кончилась война.
Над Москвой — салют Победы и весна.
И сегодня — лето за окном
Катится румяным колобком.

Ты уходишь, уезжаешь на Восток.
Дан приказ: прибыть-приехать точно в срок.
И поют соседи громко за стеной,
Навсегда они прощаются с войной.

Мама смотрит на сестру, ты — на меня.
Вместе мы — счастливая семья.
Ждали с фронта весточки и вот —
Ты вернулся в сорок пятый год.

Сапоги в прихожей ходят — цок да цок.
За стеной уже танцуются вальсок.
Ходят ходики, кукушка дребезжит —
Наше время топчется, дрожит.

Уравнение солнца

А за дверью начинается — твоё.
Там, в Манчжурии, есть тоже вороньё.
Только б не кружило над тобой.
В первый твой — или в последний — бой.

Мой отец опять ушёл на фронт.
И войны свинцовый горизонт
Ширится на третьем этаже.
Колобовский переулок спит уже.

Надежда Осьминина

К небесам поднимается сердце моё —
Ищет, ищет пути твои млечные,
По которым когда-нибудь снова вдвоём
Прогуляемся, бесконечные.

Вот за это и выпью густое вино.
Лягу спать, утомлённая, затемно.
Ты снимай там, любимый, про звёзды кино.
Я потом посмотрю.

Обязательно.

Уравнение солнца

Кафизма первая, вторая...
Псалтирь читаю и молюсь.
Перед свечой я догораю
И вместе с ней испепелюсь.

Страницы Библии истёрты
Прикосновеньем неземным.
В них светозарные когорты
Всё обращают в прах и дым.

И воскрешают прах из пепла,
И приближают рай и ад.
Свеча, которая окрепла,
С себя сливает воск, как град.

И падает в мои ладони,
Не обжигая, светлый воск.
Когда душа болит и стонет,
Не существует больше мозг.

Всё вещество моё истлело,
Сокрылось в недрах неземных —
И воспарило, и запело
Среди содружников Святых.

Надежда Осьминина

Когда покоем небо светится,
На запад стягивая склон,
Мне Александра Стратотерпица
На свой показывает трон.

А солнце, вдруг, когда закатится —
В лучи последние войду,
Увижу там Праскеву Пятницу
С морщинкой тонкою во лбу.

Когда же буря свищет градами
Весь день длиною в тыщу лет,
Матрона тихими наградами
Надежду дарит на просвет.

Спасибо, Господи, за чувство!
За всех Святых, кого звала.
За утешение, напутствие
И очевидность в мире зла.

Уравнение солнца

Не смотри, моя доченька, на Закат —
Солнце яркое скоро исчезнет.
Нам не надо печалиться: «Кто виноват?»
И исследовать: «Что полезней...».
Ведь не нами придуман круговорот
И последняя точка в воронке,
Из которой есть выход — свободный полёт
К небеса открывающей кромке,
Где заботливым Богом устроен насест
Для людей по природе крылатых.
Я из этих высоких и сказочных мест
Серебро приносила и золото
К колыбели твоей, когда гасли огни,
Чтобы сон твой был светел и сладок.
Но куда-то исчезли те светлые дни
И герои таинственных сказок.
Открывает весна на реке ледоход,
Расширяя привычное русло.
Посмотри, моя доченька, на Восход,
День всегда начинается тускло.
А потом заалеют, забрызжут лучи,
Озарится земля высотойю.
Вот тогда ты заплачь, застони, закричи
И до неба дотронься рукою.

Надежда Осьминина

Разбежались, побежали
вдоль по лужам бубенцы,
Пишет дождь свои скрижали,
шлёт гонцов во все концы.
Мы хотели, мы успели
оказаться на крыльце,
И счастливые запели —
обе в белом платъице.
Мы не сёстры, не подружки,
просто дочери-матери.
Мы хрустим, мы любим сушки —
чай на белой скатерти.
В дом вбегаем, как влетаем,
нас никто не хватится.
Чай из блюдечек хлебают
два небесных платъица.

Уравнение солнца

Рождество

Рождество. И замер круг небесный.
Млечный путь вспахала борозда.
На земле в пещере тёмно-тесной
Воссияла вечности Звезда.

Рождество. И люди вдруг очнулись.
Каждый, кто увечен, слеп и нем,
От базарных площадей и улиц
Потянулся в тихий Вифлеем.

Ну а там — младенец новобрачный,
Божий Сын, чья Истина проста,
Вглядывался в мир духовно мрачный,
Прозревая жертвенность креста.

Рождество. Ещё не знают страсти,
Что без них теперь дано любить.
Входит человеческое счастье
В дух и плоть, чтоб их соединить.

Надежда Осьминина

Мы не знаем тайны откровенья.
Только вера — светлая, прямая —
Защищает мозг от наважденья,
К небесам дорогу открывая.

И вот там, в неведомом приделе,
Где поля смыкаются Ньютона,
Где Эйнштейна начатое дело
Входит в мир космический Платона,

Мы судьбою узнаём друг друга
В силе неземного притяженья,
Входим в ослепительные круги
Солнечного вечного движенья.

Словом, делом, мыслью, озареньем
Об одном и том же всё хлопочем —
Чтоб сияло Господа творенье,
И Его наследовался почерк.

Уравнение солнца

Здравствуй, октябрь серебристый,
с утренним нежным снежком,
с небом лилово-лучистым,
с издали слышным рожком
жёсткой мелодии ветра —
это ещё не зима.

Меряю сто километров,
чтобы сбежать от ума
к самому узкому краю
поля, где дня глубина
медленно-медленно тает.
Птицы сбиваются в стаю.
Я — не одна.

Надежда Осьминина

Спираль истории

Лемурия пала. Пора Атлантиды
Настала блистать в чудесах технологий.
Летят самолёты, и мчатся болиды,
В компьютере виснет продвинутый блогер.

Мелькают столетья, проходят эпохи,
Постигнут закон революции генной.
И слышит Создатель тяжёлые вздохи
Из самых глубин удивлённой вселенной.

Он видит, как люди, спрямляя колени,
Вторгаются разумом в тайны святые.
Тела превращаются в грозные тени —
Исчезли из сердца законы простые.

Раздвинулись горы, и воды восстали,
Империya пала под мощью природы.
Но посланы праведным были скрижали,
И мир ожидали новые роды.

Созвездье Креста небеса озарило,
Утихли на солнце протуберанцы.
И вновь застучало по камню зубило —
Дворцы вознеслись для утех и танцев.

Как долго Господь проявляет терпенье,
Сжимая круги времён наступивших.
Из Троицы выйдя, являет рожденье
Своё на земле для грядущих и бывших.

Уравнение солнца

Но люди Его побивают камнями,
Потом распинают с разбойником рядом.
А он повторяет: «Я — с вами, я — с вами!
Так будьте ж со мной, и ждёт вас награда —

Бессмертье души, не привязанной к телу,
И Царство Небесное, а не земное.
Я только одно завещаю вам дело —
Держите в любви своё сердце незлое».

На карте меняются стран очертанья,
К концу приближается Новая эра.
И явлена жертва, и подано знание,
И теплится в людях зажжённая вера.

Но тянутся к пропасти чёрные силы,
И гордый язык уже невменяем.
Но всё-таки, Господи, ты нас помилуй,
Хотя бы за то, что теперь тебя знаем!

Надежда Осьминина

Когда тебя ударит в спину
Обидчика тяжёлый взгляд,
И ты почувствуешь, как стынут
И рвут вопросы невпопад,
Ты укроти больное слово,
И злomu смыслу вопреки,
Не пожелай себе иного,
Чем братство поданной руки.

Уравнение солнца

Светлая Пасха

Страстная кончилась неделя.
И, слава Богу, наконец,
Пасхальный ангел светом стелет
Дорогу к храму. И венец
Горит над миром не терновый,
А лучезарный, золотой,
«Христос Воскресе!» —

смерть в оковы

Взята Божественной рукой.
Печать легла на двери ада
И радость светлая домой
Вернулась ко святому граду —
Иерусалим, весь мир с тобой!
Арабы, греки и славяне,
Грузины, эфиопы — все,
Которые пришли под знамя
Его в двухтысячном посте,
Соединённые молитвой,
Кричат:

«Во Истине Воскрес!» —

Готовые для новой битвы
За соль земли и власть небес.

Содержание

Андрей Рублёв, поэма	7
Ожидание Пасхи	37
Дивеево	38
«Снова день проживаю сегодняшней...»	40
Сирень	41
Испанский триптих	
<i>Иаков Заведеев</i>	42
<i>Евлалия Барселонская</i>	43
<i>Осия Кордобский</i>	45
Игнатий Богоносец	46
Пятнадцатый Патриарх	48
«В колодец кричать не стану...»	49
Мамин день	
«Сегодня маму хоронила...»	50
«Солнце меняет своё уравнение...»	50
Бронницы	52
«Хлещет дождь...»	54
«Мороз едва-едва земли коснулся бурой...»	55
«Январская равнина бытия...»	56
Утро	57
«У реки с названием <i>Лета</i> ...»	58
«Пасмурно в зябкой Москве...»	59
Без тебя	60
«Твой день рождения пришёл...»	61
«В концерты мы не ходили...»	62
«Я сейчас собираюсь с силами...»	63
Твой отец	64

«К небесам поднимается сердце моё...»	66
«Кафизма первая, вторая...»	67
«Когда покоем небо светится...»	68
«Не смотри, моя доченька, на закат...»	69
«Разбежались...»	70
Рождество	71
«Мы не знаем тайны откровенья...»	72
«Здравствуй, октябрь серебристый...»	73
Спираль истории	74
«Когда тебя ударит в спину...»	76
Светлая Пасха	77

Имя Надежды Осьминой известно в российской журналистике по статьям, очеркам, сценариям документальных фильмов.

Книга «Узы» — другая грань её творчества, поэтическая. Извечные темы русской поэзии — любовь, надежда, вера — звучат в её стихах, соединяя прошлое, настоящее и будущее. Злободневная публицистика и размышления о смысле бытия — совместимы ли эти два начала? Да, совместимы, и книга «Узы» это подтверждает.

Осьминина Н. В.

Узы. Стихотворения, поэма. — М.: Эпифания, 2004. — 150 с. ISBN 5-86170-014-1.

Литературно-художественное издание
Серия «Поэзия XXI века»

Надежда Васильевна Осьминина

Андрей Рублёв

поэма и стихотворения

Редактор серии *Эд Побужанский*

Редактор *Любовь Ивушкина*

Дизайнер *Дмитрий Климович*

Корректор *Денис Ефимов*

Формат 145x215 мм

Тираж договорный

ООО Рекламно-издательская группа «ОБРАЗ»

127591, Москва, Дмитровское шоссе,

дом 100, стр. 2, офис 31-121,

тел.: +7 (495) 223-44-39, +7 (926) 187-59-89,

е-мэйл: 2234439@mail.ru

издайкнигу.рф

купикнигу.рф

НАДЕЖДА ОСЬМИНИНА — журналист, сценарист, поэт. Автор книги стихов «Узы» (2004). Член Союза писателей России и Евразийской Академии Телевидения и Радио (ЕАТР). Награждена юбилейной медалью Союза писателей России «За верное служение отечественной литературе» (2009) и дипломом ЕАТР «За талантливое воплощение православных традиций в документальном кино» (2011).

